

Вал.В. Полосин

К интерпретации арабских текстов на серебряном персидском талисмани из Эрмитажа

Памяти О.Ф. Акимушкина

Данная статья является *вторым* специальным обращением к серебряному изделию иранского происхождения, хранящемуся в Эрмитаже (инв. № ИР-2016) и вошедшему в специальную литературу как талисман XVI в.

Изделие представляет собой серебряную пластину, на обеих сторонах которой в оригинальном порядке размещены шесть расхожих в мусульманской среде текстов, а также имя владелицы этого предмета в качестве седьмого текста. Комплексный анализ предмета показывает, что атрибуты талисмана перемешаны на пластине с аксессуарами завуалированного послания неизвестного мужчины к женщине. В настоящей статье заново издаются арабские тексты, анализируется архитектура этого остроумного — то ли шуточного, то ли серьезного — послания, подтверждается (метрологически) иранское происхождение этого артефакта, называется способ, которым можно раскрыть инкогнито автора этого необычного послания, и, наконец, предлагается в качестве одного из возможных претендентов на авторство шах Ирана 'Адил (1747–1748), с неизбежной в этом случае передатировкой артефакта с XVI на XVIII в.

Ключевые слова: Адил, шах Ирана; аят ал-курси, басмала, Коран, метрология, печати, стих о троне, талисман, Фатима-Султан, Эрмитаж.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

А.А. Ахматова

«Мне ни к чему одические рати...»

Собирая материалы о магических знаках, я не мог не обратить внимание на талисман, опубликованный в 1982 г. А.А. Ивановым (Иванов, 1982, с. 73–74). Удовлетворительные фотографии, набор текстов исключительно на арабском языке, а также приведенный автором размер диаметра круглого талисмана (8,8 см) позволяют мне принять участие в исследовании опубликованного предмета, хотя я и не являюсь историком иранского искусства.

Прежде всего мне хотелось бы теперь повторить издание арабских текстов этого талисмана, используя новые технические возможности (компьютерный двуязычный набор и др.), которых у нас еще не было в 1982 г. Кроме того, возвращение к этим надписям позволяет предложить иное прочтение нескольких мест, оставшихся неясными при первой публикации. Но, как это бывает с незаурядными источниками, корректировкой эпиграфического материала дело не ограничивается, потому что в данном предмете обнаруживаются и другие содержательные информационные поля. Однако, прежде чем наслаивать на первую публикацию новые ассоциации, остановимся на текстах, которыми следует, может быть, пополнить корпус надписей, циркулировавших в ремесленной среде. Наличие предыдущей, первой публикации дает при этом возможность изменить

Рис. 1

форму подачи текстового материала, приспособливаясь к новым дидактическим задачам и предпочитая простому повтору обогащение его в меру открывшихся для этого возможностей.

Общий вид обеих сторон талисмана, представленный читателям в первой публикации, показан ниже (рис. 1) на репродукции начала статьи А.А. Иванова, где можно прочесть также и общую оценку исследуемого артефакта¹.

Обилие арабских текстов и их замысловатое расположение на небольшой площади талисмана — это первое, на чем останавливается внимание исследователя. И то и другое показано ниже в двух таблицах. Они идентичны по содержанию, но имеют отчасти разные задачи в данной статье. В первой из них (рис. 2) воспроизведены все тексты на языке оригинала с одновременным указанием на их местоположение на серебряной пластине, а также и на последовательность их чтения, поскольку она не очевидна. Вторая таблица (рис. 3) предлагает те же тексты в переводе на русский язык и с той же самой топографической привязкой их к пластине и порядку их чтения. Эта таблица показывает уровень понимания арабских текстов пишущим эти строки, но в то же время она расширяет и круг лиц, которым данная статья может

¹ Полный текст статьи А.А. Иванова с удовлетворительным воспроизведением обеих сторон талисмана есть в Интернете (<http://annals.xlegio.ru/islam/small/irantal.htm>).

принести пользу. Намного опережая разбор этих текстов, отмечу, что если бы ювелир выбрал для данного изделия иной набор текстов или же просто иное их расположение, то пластина, на мой взгляд, из произведения высокого искусства вполне могла превратиться в скучный образец средневекового ремесла и суеверия.

Общее число текстов на талисмানে — семь, но два из них — 2-й и 3-й — отчего-то фрагментированы, а их части (четыре у 2-го текста и две у 3-го) размещены на пластине порознь². Это обстоятельство вызывает естественный интерес, удовлетворяя который мы вынуждены будем переменить для начала прежнее (см. рис. 1) представление о лицевой и оборотной сторонах исследуемой пластины.

Оборотная сторона (круг и квадрат, вписанный в него)	Лицевая сторона (концентрические окружности)	Порядок чтения текстов на лицевой стороне
3	2	1
(4) الله ولا سواه ولا يعبد إلا إياه * (5) ناد علياً مظهر العجائب تجده عوناً لك في النوائب كل هم وغم سينجلي بولابتك يا علي يا علي يا علي	(1) بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ * (2/1) {اللَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ الْحَيُّ الْقَيُّومُ لَا تَأْخُذُهُ سِنَةٌ وَلَا نَوْمٌ لَهُ مَا فِي السَّمَاوَاتِ وَمَا فِي الْأَرْضِ}	1-й круг I
(6) الملك لله تعالى	(2/4) بِمَا شَاءَ وَسِعَ كُرْسِيُّهُ السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضَ وَلَا يَئُودُهُ حِفْظُهُمَا وَهُوَ الْعَلِيُّ الْعَظِيمُ * (3/1) الله وبه ثقني	2-й круг IV
III (2/3) وَلَا يُحِيطُونَ بِشَيْءٍ مِنْ عِلْمِهِ إِلَّا	(2/2) مَنْ ذَا الَّذِي يَشْفَعُ عِنْدَهُ إِلَّا بِإِذْنِهِ يَعْلَمُ مَا بَيْنَ أَيْدِيهِمْ وَمَا خَلْفَهُمْ	3-й круг II
(7) صاحبته فاطمة سلطان بنت منصور خواجه	(3/2) وبه نستعين	4-й круг V

Рис. 2

Более всего кажется необъяснимым дробление 2-го текста на четыре части и то, что начало этого текста и его окончание находятся на одной стороне пластины (оборотной ли?), а связующая эти концы часть текста размещается почему-то на другой (лицевой ли?). Для лицевой стороны изделия такая композиция вряд ли подходит.

Текст, о котором идет речь, заимствован из Корана и воспроизводит полностью 256-й³ стих из второй его суры (Коран, 1963, 2:256(255)). Это главный текст на

² В упомянутых таблицах они пронумерованы арабскими цифрами, заключенными в скобки: второй текст — 2/1, 2/2, 2/3 и 2/4, а третий — 3/1 и 3/2.

³ По другому счету — 255-й.

Порядок чтения текстов на лицевой стороне	Лицевая сторона (концентрические круги)	Оборотная сторона (круг и квадрат, вписанный в него)
1	2	3
(1-й круг) I	(1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердно- го! * (2/1) «Аллах – нет божества, кроме Него, живого, сущего; не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему при- надлежит то, что в небесах и на земле.	(4) Аллах! Нет никого, кро- ме Него, и только Ему по- клоняются! * (5) «Призови Али-чудотворца! В нем найдешь ты себе опо- ру в беде. Все заботы и горести уйдут прочь при твоём покровительстве, о Али, Али, Али!»
(2-й круг) IV	(2/4) того, что Он пожелает. Трон Его объёмлет небеса и землю и не тяготит Его охрана их, – поистине, Он – высокий, великий!» * (3/1) Аллах! В него я верую	(6) Вся власть у Аллаха Всевышнего!
(3-й круг) II	(2/2) Кто заступится пред Ним, иначе как с Его по- зволениа? Он знает то, что было до них, и то, что бу- дет после них,	III (2/3) а они не постигают ничего из его знания, кроме
(4-й круг) V	(3/2) и на него мы уповаем!	(7) Владелица сего Фатима-Султан, дочь Мансура ходжи

Рис. 3

данном артефакте: среди всех других он единственный, имеющий сакральное происхождение, все остальные порождены верующими, адептами ислама. Но тогда его законное место — на лицевой стороне пластины, т.е. той, что с концентрическими кругами. Ну, хотя бы, скажем, только своим началом. Но уж, конечно, никак не крохотным отрезком⁴, выхваченным из *середины* этого стиха⁵.

⁴ Текст 2/3 в таблицах на рис. 2 и 3.

⁵ Шесть слов из пятидесяти (статистика по электронной версии Корана) — 32 слова *до* этого фрагмента и 12 — *после* него. О других аргументах см. ниже.

Последовательность чтения текстов на этой, лицевой (рис. 2) стороне — перепрыгивание через кольцо в кольцо — тоже необычна. Она придает изделию налет занимательности, может быть, даже и игривости, так как это «перепрыгивание» включает еще и прыжок текста с лицевой стороны на оборотную и возврат на лицевую для еще одного, уже последнего, перепрыгивания. Для коранического стиха, при отсутствии у нас других таких примеров, это может показаться вольностью.

Такой же вольностью, но уже другого порядка, а именно нарушением вкуса, могли бы показаться и небольшие тексты $3/1$, $3/2$ и 4. При чтении они не без труда вычлениаются в курсивной арабской вязи, не без труда же и прочитываются (здесь имеется в виду, конечно, чтение по опубликованной фотографии). И все эти усилия только для того, чтобы обнаружить набор расхожих благочестивых формул? Именно их расхожий характер и краткость наталкивают даже поначалу на мысль, что содержательно-го текста оказалось мало для задуманной для него «клеточной» структуры и писец-каллиграф просто спасал положение, используя данные формулы в качестве заполнителей пространства.

Чтобы читатель мог, не повторяя нашего труда, следить за дальнейшим повествованием, пришлось *число* текстов (их всего семь) и *последовательность их расположения* на сторонах талисмана обозначить в таблицах *арабскими* цифрами. При этом нумерация фраз, подвергшихся дизайнерской фрагментации, записана в виде дроби ($2/1$, $2/2$, $2/3$, $2/4$ и $3/1$, $3/2$), где числитель показывает порядковый номер текста, а знаменатель — порядковые номера его фракций, разбросанных по талисману. Что касается порядка *чтения* текстов, то для трех первых он специально обозначен *римскими* цифрами, но иногда требуется оглядка и на *арабскую* нумерацию. Для лучшего понимания ситуации, которое потребует читателю несколько позже, представлены также две дизайнерские схемы, обе — четырехчастные (рис. 4), в которые «вбивались», как в прокрустово ложе, тесно — иногда в два этажа — написанные тексты исследуемого артефакта (ср. с рис. 5a — лицевая сторона, рис. 5b — оборотная).

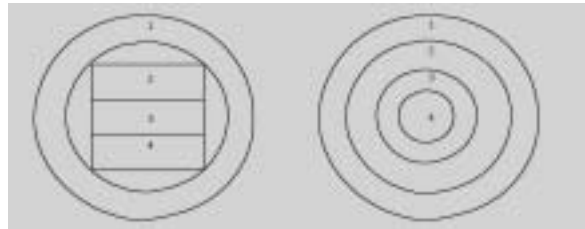

Рис. 4

Рис. 5a.
Лицевая сторона

Рис. 5b.
Оборотная сторона

Есть более простой способ определить лицевую сторону талисмана, чем тот, что был указан выше. Он универсален и известен давно. Вот, например, одна из подсказок еще из XIX в.: «Мусульмане... с глубоким, сердечным убеждением приписывают ей (басмале. — *В.П.*) сверхъестественную силу **отверзать** врата рая для верующих при вступлении их в обитель блаженства, **запирать** двери ада, **прогонять** от мохаммеданина все злые ухищрения сатаны. Не сказав *бисмилля*, мохаммеданин не возьмет крупинки хлеба в рот, не проглотит капли воды, **не положит рукú на дело свое**» (Саблуков, 1884, с. 17). Другая подсказка, того же времени: «Во имя Бога Милостивого Милосердного (т.е. басмала. — *В.П.*). Мусульмане... считают долгом произносить ее про себя всякий раз, как что-либо начинать, напр. перед отходом ко сну, перед вставанием с постели, перед принятием пищи, перед тем как садиться на лошадь или в телегу и т.д.... Этою формулой мусульмане начинают также главы Корана, письма и книги; снабжают ею также разные предметы домашнего обихода: печати, перстни, пряжки поясные и пр.» (Катанов, 1904, с. 10–11). Эти констатации не то чтобы неизвестны теперь, но они забываются, если о них долго не напоминают практические потребности или, на худой конец, справочники⁶.

Рис. 5c

⁶Так случилось, к примеру, со справочником «Ислам. Энциклопедический словарь» (М., «Наука», 1991; составитель словника С.М. Прозоров). В нем вообще нет статьи о *басмале*.

В данном случае именно *басмала* является тем элементом в дизайне талисмана, который дает следующий, после 1982 г., импульс к продолжению исследования, начатого публикацией А.А. Иванова. Этот постулат подкрепляется еще и тем, что *басмала* размещена в *первой* четверти *первого* круга на этой стороне пластины (рис. 5с).

Коль скоро этой фразой (текст № 1 на рис. 2 и рис. 3) кладется *начало всякому* делу (у нас — вербальной информации артефакта), то уже следующий за ней коранический стих действительно дает исследователю достаточное основание полагать это ювелирное изделие талисманом.

Этот стих (на пластине он воспроизведен, как уже говорилось, полностью) широко известен среди мусульман, даже имеет у них собственное название — «Стих о троне» (*āyat al-kurṣi*), и многие знают его наизусть⁷. Мусульманская традиция относит его к так называемым «охранным» (или «оградительным») стихам Корана (*āyat al-ḥifz*; их там несколько) (Резван, 1991, с. 16) и наделяет его свойствами оберега (Hughes, 1897, p. 27).

Об этом стихе существует старинное предание. Будто бы Али, двоюродный брат пророка Мухаммада (и впоследствии четвертый праведный халиф), слышал, как Мухаммад говорил в своих проповедях: «Тому, кто повторяет *стих о троне* после каждой молитвы⁸, ничто не помешает войти в рай, кроме [длительности его] жизни». И еще одно: «Кто бы ни произносил этот стих, входя в спальню, того бог обезопасит вместе с его жилищем и домом его соседа»⁹. Таких хадисов достаточно, чтобы придать предмету, который мы исследуем, магический смысл: «Храни меня, мой талисман...». Упоминание во втором предании «дома соседа» неслучайно и не мешает такой трактовке. Оно намекает на пожары, легко перебрасывавшиеся от дома к дому, от соседа к соседу и составлявшие общую для них угрозу и беду¹⁰. Так что магическая составляющая очевидна, но она все-таки довольно искусственна. Охраняет ведь стих Корана или, вернее, его произнесение, а не предмет, который лишь напоминает об этом своему **владельцу**, конкретно на нем и названному в нашем случае¹¹. Об этом будет еще речь ниже.

* * *

Итак, лицевая сторона пластины содержит оградительный стих Корана, который мусульманину рекомендуется прочитывать не менее пяти раз на день. Но что это за блажь такая — ювелир заставляет читателя, словно девочек, играющих на улице в «классики», скакать по тексту из клетки в клетку?

⁷ Последнее имеет иногда (как, например, в данном случае) немалое значение: знатокам благодаря априорному знанию текста необязательно *вчитываться* в нарочито сложно-декоративную вязь арабского письма. Они могут распознать стих по любым двум-трем словам и после этого идти по тексту с подсказкой наготове.

⁸ Молитвы мусульманину положено совершать пять раз в сутки.

⁹ Предание приводится в сочинении «Мишкат ал-масабих» (книга 4, с. 19, ч. 3). В его основе лежит сочинение «Масабих ас-сунна» («Лампады традиции») имама Хусайна ал-Багави (ум. в 510/1116 или 516/1123 г.х.), которое в 737 г.х. отредактировал шейх Валиуддин, добавив дополнительные главы к каждому разделу и давший этой редакции название «Мишкат ал-масабих» («Ниша лампад»). Позже, в эпоху императора Акбара, Абдулхакк перевел это сочинение на персидский, сопроводив перевод комментарием (Hughes, p. 353).

¹⁰ Вероятно, именно из-за страха перед пожарами «стих о троне» размещали и на таких предметах, как, например, латунный подсвечник (Земное искусство, с. 100).

¹¹ Имя владельца на артефакте говорит о заказном (штучном) характере этого изделия. К сожалению, в настоящее время я не могу сказать, известны ли другие талисманы или амулеты с именем конкретного владельца.

Конечно же, нелинейный характер записи стиха на пластине обращает на себя внимание. При чисто утилитарном предназначении оберега линейная последовательность текста функциональнее — она проще для чтения и дешевле в изготовлении. Но, повторимся, текст этот обычно знали наизусть, а сам талисман, как уже сказано, был именованным, т.е. заказным или подарочным. Тут его особенности могли иметь индивидуальную мотивировку.

Скачкообразное движение текста по пластине напоминает серию цирковых кульбитов¹² — передний кульбит, сразу после него — боковой кульбит и тут же, без передышки, задний кульбит (возвращение читающего на лицевую сторону пластины).

«Перепрыгнем» вместе с дизайнером с лицевой стороны пластины (текст № 2/2 в ячейке II см. рис. 2 и 3) на оборотную и задержимся на тексте № 2/3 в ячейке III, удерживая в памяти начало данного текста. Получается фраза [«Он знает то, что было до них, и то, что будет после них,] **а они не постигают ничего из его знания, кроме...**». Закончим эту фразу, но «не по правилу», т.е. не возвращаясь на лицевую сторону, а просто спустившись на нижележащую строчку: «...**кроме... владелицы сего [предмета], Фатимы-Султан, дочери Мансура-ходжи**».

Предлагаемое чтение — это единственно возможное объяснение перескока текста с одной стороны на другую и обратно. Перескок не отменяет нормативного прочтения коранического стиха, следовательно не является кощунством. Но он позволяет использовать маленький фрагмент коранического стиха как иносказание, в котором через литературную цитату раскрываются какие-то черты личности неведомой нам Фатимы-Султан. Перескок в данном случае — это троп, маскирующий собой комплимент Фатиме, заслуженный ею или нет, но очень сильный.

В русском переводе читатель может заметить, что перескок с коранического текста на «профанный» сопровождается грамматическими нестыковками: «**Владелица** сего — **Фátима**» (автономное чтение последнего, седьмого текста талисмана) и «**кроме владелицы**¹³ сего — **Фátимы**» (чтение того же текста при подключении его к предшествующему, кораническому тексту). Для арабского текста этой проблемы не существует, потому что все слова в нем не огласованы, т.е. при одинаковом написании читать падежные окончания здесь можно двояко, получая при этом две грамматически правильные фразы. Это хоть ненамного, но все же подкрепляет наше представление о предназначении перескока текста с одной стороны талисмана на другую. Этим формалистическим приемом в тексте, на определенном его участке, могут запускаться семантические изменения (для иного его чтения и понимания).

Альтернативой предлагаемому объяснению «перескока» как сознательного *художественного* приема может быть, как кажется, только просчет каллиграфа или гравера, заметивших выпадение части текста только после изготовления матрицы для отливки лицевой стороны талисмана. Это почти невероятно, хотя аналоги таких пропусков текста и способов их компенсации встречаются, например, в арабских рукописях. Но оригинал текста, предназначенного для отливки его в металл, проходит несколько этапов работы с ним, и невнимательность на одном из этапов может быть замечена на следующем. Против какой бы то ни было ошибки в нашем случае убедительно говорят различные свидетельства высокой и явно просчитанной синхронизации в движении текстов во всех кольцах, несмотря на разницу в их длинах.

¹² Кульбит: в цирке — акробатический трюк; переворот через голову вперед (передний кульбит), назад (задний кульбит) или в сторону (боковой кульбит). Кульбит исполняется с места, а также прыжком с разбега (википедия).

¹³ Арабица не знает заглавных (прописных) букв ни после точки, ни для имен собственных, поэтому «Владелица» и «владелица» пишутся одинаково.

* * *

Итак, мы приняли первое из двух возможных объяснений перескока коранического стиха с лицевой стороны талисмана на обратную. Признав перескок особым художественным приемом, мы должны принять и завуалированное существование комплимента Фátиме, который внедряется в талисман этим приемом, а также и существование человека, который все это придумал для нее. Тем более что он оставил на талисмани и другие, более прямые свидетельства своей реальности.

Я предлагаю ниже анализ всех семи текстов, которые размещены на эрмитажной пластине. Из этих семи только один, самый последний (это имя владелицы талисмана), не несет никакой религиозной символики и не пронизан никаким религиозным чувством. Но при этом суммарный смысл этих текстов имеет вполне, как мне кажется, светский характер, чем-то аналогичный любезной записке на подарке какого-то мужчины женщине, названной на пластине владелицей талисмана.

О *басмале* как о сопровождении всякого начинания у мусульманина уже говорилось выше. Приведу из арабских рукописей несколько разных фраз, которыми также и переписчики рукописей начинали рукописные книги:

¹⁴ بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِاللَّهِ تَقْتِي
¹⁵ بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِهِ الْعَوْنُ وَالْعِصْمَةُ
¹⁶ بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِهِ نَسْتَعِينُ
¹⁷ بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِهِ تَقْتِي
¹⁸ بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ وَبِهِ اسْتَعِينُ

После *басмалы*, обязательной также и в их деле, переписчики *иногда* добавляли к ней то или иное благочестивое выражение. За неимением другого термина назовем здесь этот тип *составной басмалы* басмалой с «прикладом». Разница между собственно басмалой и «прикладом» к ней состоит в том, что первая означает решимость начать работу «во имя Бога», а вторая содержит надежду на то, что Бог не оставит переписчика без своей поддержки, или даже просьбу о такой поддержке. В трех из пяти приведенных примеров *басмала* сопровождается точно таким же «прикладом» выражений, которые мы встречаем и на талисмани (они выделены жирным шрифтом и подсветкой). Одно из них — «на Него полагаюсь **я**» (وبه تَقْتِي) — написано от первого лица и тем самым выводит нас на анонимного автора уже рассмотренного выше комплимента — прямо от того места (от текста № 2/3)¹⁹, где он сформировал свой комплиментарный каламбур, к тому месту (к тексту 2/4), где он закончил писать сакральный текст и дал нам знать об этом местоимением первого лица (см. рис. 6а и 6б).

В двухчленной *басмале* переписчик рукописи первой ее частью стандартно выражает свою благонамеренность, а второй — вариативно выражает надежду на помощь Бога в начатом труде вплоть до его благополучного, с божьей помощью, завершения. После этого он копирует нужный текст и завершает свою работу колофоном, в котором упоминает среди прочего, что работа — слава Богу²⁰ — подошла к благополучному завершению, окончена. Таков был формуляр для всякого письменного документа (в самом широ-

¹⁴ Schoeler G., 1990, Abb. 48.

¹⁵ Schoeler G., 1990, Abb. 50.

¹⁶ Perho I, 2003, p. 26, 89, 92, 102, 105, 132, 136, 144, 147, 158, 197, 214, 233, 237, 240, 328, 333, 340, 351.

¹⁷ Perho I, 2003, с. 81, 117, 120, 250, 283.

¹⁸ Perho I, 2003, с. 261.

¹⁹ Эта конструкция похожа на выражение *أحاطهم به علما*

²⁰ Варианты: *تَمَّتْ الْكِتَابُ بِعَوْنِ الْمَلِكِ الْمُهَيِّمِ الْمَعْبُودِ الْوَهَّابِ* (Perho, 2003, p. 27), *تَمَّتْ الْكِتَابُ بِعَوْنِ الْمَلِكِ الْوَهَّابِ* (Perho, 2003, p. 48).

ком понимании этого слова). Этого же формуляра придерживается и создатель талисмана. Но он просто раздвинул части двучленной *басмалы* и поместил между ними «стих о троне» (документ), сохраняя стиль и дух трехчастного формуляра. Начинает собственно *басмалой*, а заканчивает упомянутым придатком к ней, потому что текст был коротким, работа не заняла много времени и, с божьей помощью, завершена без приключений. Двучастная *басмала* разделилась поэтому надвое и своими частями обозначила начало и конец скопированного коранического текста. Но вторая часть *басмалы*, оторвавшись от первой, потеряла общее для них подлежащее, поэтому перед ней пришлось снова поставить имя Бога. Таким образом, на нашем артефакте мы выделяем «стих о троне» как самодостаточную для талисмана часть (рис. 6а и 6б), оформленную, согласно рукописному формуляру, *басмалой* и подобием колофона (они выделены в рисунках жирным шрифтом). Отметим это новое понимание пояснением к переводу: «Во имя Аллаха! [...] Аллах! На Него полагаюсь я!»), т.е. Аллах не воспрепятствовал намерению раба своего и позволил ему закончить *первую часть* задуманной им работы — записать *оградительный стих* Корана.

В таблицах на рис. 6а и 6б видно, что текст, которому артефакт обязан репутацией талисмана, весь находится на лицевой стороне серебряной пластины. Лишь очень небольшой фрагмент его был перенесен на обратную сторону пластины, но мы выяснили, что это было сделано в угоду будущей владелице этого предмета, и только. На лицевой стороне осталась лишь одна ячейка с текстом, который мы еще не объяснили. В таблицах на указанных рисунках (V «шаг» при чтении, в 4-м круге) она пуста, так как для ее содержания на лицевой стороне артефакта нет *пока еще* мотивации. Но к магическим свойствам талисмана она, к слову сказать, отношения и не имеет. Да и «форма, композиция (круги и квадрат)» (Иванов, 1982, с. 73) тут, в сущности, тоже ни при чем, не в них магия²¹. Они потребовались по другим причинам, к рассмотрению которых мы теперь и переходим, повернув талисман к себе его обратной стороной.

Оборотная сторона (круг и квадрат, вписанный в него)	Лицевая сторона (концентрические окружности)	Порядок чтения текстов на лицевой стороне
3	<p>بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ (1)</p> <p>(2/1) اللَّهُ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ فَاعْبُدْهُ فَتَسْبِّحُوهُ لَا تَأْمِنُونَ بِنِعْمَةِ اللَّهِ إِلَّا بِهِ مَا فِي السَّمَاوَاتِ وَمَا فِي الْأَرْضِ</p> <p>(2/4) بِمَا شَاءَ وَسُجَّ كَرِيمًا فَسَلَامٌ وَالَا يَأْوِيكَ إِلَّا هُوَ أَلَيْسَ الْأَعْلَمُ (3/1) اللَّهُ وَبِهِ تَعَلَّيْ</p>	1-й шаг I 2-й шаг IV
III (2/1) وَلَا تُحِيطُونَ بِشَيْءٍ مِنْ عِلْمِهِ إِلَّا	(2/1) مَنْ ذَا الَّذِي يَشْفَعُ عِنْدَهُ إِلَّا بِإِذْنِهِ يَعْلَمُ مَا بَيْنَ أَيْدِيهِمْ وَمَا خَلْفَهُمْ	3-й шаг II
		4-й шаг V

Рис. 6а

²¹ Фигура «квадрат, вписанный в окружность» принадлежит к общему художественному фонду исламского прикладного искусства и встречается: 1) на именных печатях (см. ниже рис. 7d); 2) на монетах: ильханидских, каджарских, джелаиридских, йеменских (Al-Bakri, 1973, pl. 1, no. айн-2912, мим-син, мим — № 2759, pl. 3 — мим-син, № 13608, pl. 4, мим-син, мим, № 939 и мим-син, № 15066); 1985, с. 370 № 442, с. 371 № 443–447, с. 372 № 448–450 (концентрические круги, как на лицевой стороне талисмана), с. 373 № 457, с. 374–375 № 458–467, с. 376 № 468–471 (квадрат, вписанный в окружность, как на оборотной стороне талисмана); 3) в иллюминациях рукописей и литографий, в том числе и Коранов (Земное искусство, с. 147, № 62; L'Art du livre arabe, 2001, p. 96–97, no. 63 et no. 64).

Порядок чтения текстов на лицевой стороне	Лицевая сторона (концентрические круги)	Оборотная сторона (круг и квадрат, вписанный в него)
1	2	3
(1-й круг) I	(1) Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! * (2/1) «Аллах — нет божества, кроме Него, живо- го, сущего; не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему принадле- жит то, что в небесах и на земле.	
(2-й круг) IV	(2/4) того, что Он пожелает. Трон Его объемлет небеса и землю, и не тяготит Его охрана их, — поистине, Он — высокий, великий!» * (3/1) Аллах! На Него полагаюсь я!	!
(3-й круг) II	(2/2) Кто заступится пред Ним, иначе как с Его позволения? Он знает то, что было до них, и то, что будет после них,	III (² /3) а они не постигают ничего из его знания, кроме
(4-й круг) V		

Рис. 6b

Перевернуть талисман *результативно* можно, оказывается, по-разному. В первой публикации (рис. 1) пластина повернута так, чтобы максимально эстетично показать *начало* рифмованной речевки (текст № 5), которая идет по кругу во внешнем кольце. Но при этом три текста, находящиеся в квадрате, вписанном в круг, попадают в положение «вверх ногами». В настоящей, повторной публикации (рис. 5b) за основу взято нормативное (для чтения!) положение как раз этих трех текстов, которые находятся во вписанном квадрате. При этом смещается, конечно, и круговой текст и началом для чтения служит теперь не речевка, а текст № 4 из того же кольца. Он представляет собой парафраз *шахáды*²² (кстати, первые слова в тексте № 2/1 на лицевой стороне талисмана тоже парафраз *шахáды*). Его функция здесь — обозначить *иерархию смыслов на этой стороне* талисмана, в отличие от *басмалы*, которой начиналась, по нашему допущению, еще не высказывавшемуся, работа над артефактом как единым документом. Такая дифференциация как бы предупреждает, что артефакт содержит в себе не один, а два документа. Они достаточно автономны друг от друга,

²² аш-Шахáда («свидетельство») — первое и важнейшее положение исламского символа веры, выражаемое формулой *Ла иллаха илла Ллаху ва Мухаммадун расулу Ллахи* («Нет никакого божества, кроме Аллаха, а Мухаммад — посланник Аллаха») и содержащее два первых догмата ислама (Халидов, 1991, с. 296).

хоть и связаны между собой. Одна из таких связей — «перескок» с одной стороны пластины на другую — была рассмотрена выше. Сейчас рассмотрим и другие.

Первый документ (коранический стих) завершился, как сказано двумя абзацами выше, подобием колофона в рукописях, т.е. самопредставлением писца, в котором, однако, вопреки правилам вместо своего имени писец почему-то поставил личное местоимение «я». Кто же он такой — этот «я»? Есть ли возможность раскрыть его инкогнито и снять этим определенную неловкость стиля? Мне кажется, что она есть.

Обратимся к схемам на рис. 4. На них показано, что на обеих сторонах артефакта — при полном несходстве графления их на «формы и композиции» — имеет место их полная согласованность в числе ячеек для текстов (по четыре там и там). Мы уже могли видеть выше, что текст $2/2$, находящийся в *третьей* ячейке лицевой стороны талисмана, продолжается на оборотной стороне в *третьей же* ее ячейке. Далее текст переходит во *вторую* ячейку лицевой стороны и заканчивается там словами человека, который не назвал своего имени, но оставил все же впечатление, что он — реальное действующее в данном артефакте лицо. Нет ли, по той же логике, более конкретных сведений об этом лице в одноуровневой (т.е. *второй*) ячейке оборотной стороны? Предполагаем, что есть.

Основания тут такие. В жизни активной части средневекового населения были довольно широко распространены личные (именные) печати и, соответственно, их изготовление. В этой области художественного ремесла складывались конкурировавшие между собой формы, каллиграфические стили, стандарты содержания. Поскольку в данной статье интерпретируется целый набор фраз-клише, которые годились на все случаи жизни и соответственно этому употреблялись (в том числе и на печатях), то и для текста № 6 нам удалось найти в прошлом мусульманского искусства такое применение, которое согласуется с общей художественной стилистикой нашего артефакта.

Среди личных (именных) печатей большую группу составляют такие, в которых на рабочую поверхность выносились два-три элемента: 1) девиз или мотто, 2) имя владельца печати и 3) год изготовления печати. Последний элемент был, строго говоря, избыточным, потому что печать и ее владелец совместно и одновременно представляли себя в обществе, так что дата на печатях часто служила лишь эстетическим целям, заполняя собой пустоту на рабочей поверхности печати и на ее оттисках. В качестве мотто выбирались благочестивые и богоугодные фразы вроде *العظمة والقدرة لله* («Величие и мощь у Аллаха»), *العزيز لله* («Уповающий на Аллаха»), *المتوكل على الله* («Аллаху — слава») и др. Точно таким мотто на печати мог быть и текст № 6: *المَلِكُ لِلَّهِ تَعَالَى* («Вся власть у Аллаха Всевышнего!»)²³. Кроме типологической пригодности его для именной печати следует принять во внимание местоположение текста № 6 на талисмани. Это 2-я ячейка оборотной стороны. А на такой же 2-й ячейке, но на лицевой стороне талисмана, возникает *из текста* новое (после владелицы) действующее лицо, интригуяще не названное конкретно. Соположение ячеек настораживает и настраивает на поиск дополнительной информации.

Можно, конечно, не трогать пока вторую ячейку оборотной стороны талисмана и приостановиться на второй ячейке лицевой стороны (тексты $2/4$ и $3/1$), куда нас неизбежно вело чтение коранического стиха. Но отсюда, однако, можно сделать на этой же стороне пластины только один-единственный шаг — к тексту $3/2$ как остатку «по-

²³ В Коране нет словосочетания *المَلِكُ لِلَّهِ تَعَالَى* (текст № 6), но его смысл встречается там неоднократно в другом оформлении, например: *اللَّهُ لَهُ مَلِكُ السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضِ* («Аллаху принадлежит власть над небесами и землей») — сура 9:117(116), *وَلِلَّهِ مَلِكُ السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضِ* («И Аллаху принадлежит власть над небесами и землей») — сура 24:42(42), *وَلِلَّهِ الْمَلِكُ* («Ему принадлежит власть») — сура 6:73), 22:55(56), *الْمَلِكُ يَوْمَئِذٍ لِلَّهِ* («Власть тогда — у Аллаха») — сура 22:55(56), т.е. упомянутое словосочетание все-таки восходит к этому первоисточнику.

добия колофона» и его завершению²⁴. Сделав его, мы полностью расстанемся с лицевой стороной талисмана, так как все тексты на нем теперь уже прочитаны. Значит, пора все-таки переходить на обратную сторону талисмана с его текстами, хотя здесь остается еще при чтении некоторая неувязка с местоимениями в двух частях единого как будто бы колофона: «(3/1:) Аллах! В него **я** верую (3/2:) и на него **мы** (мы все? или кто-то с кем-то? — В.П.) уповаем!». Но позже и эта неувязка найдет объяснение.

Вернувшись на обратную сторону талисмана, мы увидим, по порядку: уже рассмотренный выше парафраз *шахады*, стихотворную речевку, смысл и назначение которой достаточно раскрываются ее текстом, и, наконец, то самое мотто, от рассмотрения которого отказались было, но теперь просто вынуждены рассмотреть и его. На этой стороне талисмана оно является единственным еще не истолкованным местом.

В границах данного артефакта тексту № 6 («Вся власть у Аллаха Всевышнего!») не представляется возможным подобрать иную функцию, чем быть намеком на имя автора «серебряного послания» — намеком через воспроизведение *мотто* его личной печати²⁵. Такие мотто вместе с личным именем человека придавали печатям определенную индивидуальность, которая в какой-то мере сродни паспорту в наше время или отпечатку пальца²⁶. Этот парный признак²⁷ индивидуума открывал возможность метонимически называть одно через другое, что, вероятно, и имеет место в данном случае. Это соображение подкрепляет собой связь — пока что еще только предполагаемую — двух текстов с разных сторон талисмана (№ 3/1 и № 6) между собой. Реальность такой связи подчеркивается тоже, между прочим, и закадровой реальностью самого анонима, заявившего о себе, словно нарочно, как раз в предшествующей фразе личным местоимением «я».

Несколько печатей с мотто показаны на рис. 7a²⁸, 7b²⁹ и 7c³⁰. Они дают достаточное представление о структуре текстов на личных печатях у мусульман, чтобы «примерить» ее теперь к трем строкам квадрата, вписанного в круг³¹ на оборотной стороне талисмана. Если на первой из строк находится действительно мотто с печати человека, который укрывается за местоимением «я», то на следующей строке *должно было бы* стоять его имя (об этом см. ниже), а на третьей — год изготовления печати (на нашем артефакте как на произведении искусства, переполненном намеками и околичностями, датирующим признаком вместо даты вполне может служить имя Фатимы, современницы этого человека).

²⁴ Ср. выше с переменными фразами в двучленных басмалах в примеч. 17 («...в Него я верую») и 16 («...на Него мы уповаем»).

²⁵ Если это действительно воспроизведение мотто, то намек все же не надо рассматривать как слишком уж прозрачный и прямолинейный. Он довольно хорошо «тонет» в целой серии других коротких фраз талисмана, типологически неотличимых от рассматриваемой.

²⁶ В серьезных ситуациях для идентификации личности нужны были, правда, еще и свидетели.

²⁷ Реально на индивидуальность печати работали и другие, кроме мотто и имени собственного, признаки: форма и размер печати, стиль арабского письма, наличие орнаментальных деталей и т.п.

²⁸ * المتوكل على الله الملك الصمد * محمد محسن ملا ابن نياز محمد * 1192 («Уповающий на Аллаха, Вечноцарствующего, * Мухаммад-Мухсин, мулла, сын Нийаза-Мухаммада; 1192 [г.х.]»).

²⁹ * عبدہ کمال الدین بن احمد * «Твердый! Царственный! Вечный! * Раб его — Камал ад-Дин ибн Ахмад») [б.г.].

³⁰ * لا اله الا الله الملك الحق المبين * عبده عباسقلي * «Нет Бога, кроме Аллаха, Вседержителя, Ясной истины! * Раб его — Аббас-кули [б.г.]».

³¹ Может быть, легче представить себе оправданность предложенной ассоциации, поглядев на оттиск печати с похожей структурой текста (рис. 7d). По четырем сторонам квадрата, в сегментах круга, расположены тексты, которые мы называем в данной статье «мотто». Читать его надо, начиная с правого от квадрата сегмента, затем — вниз, затем — налево и, наконец, в верхнем сегменте, куда вписана ударная часть мотто. Оттиск печати содержит следующий текст: * يا أحد يا صمد * ان أولينا أخطانا * يا حي يا قيوم *

Рис. 7а.

Печать с легендой: «Уповающий на Аллаха, Владыку, Вечного. * Раб его Мухаммад-Мухсин, мулла, сын Нийаза-Мухаммада³² * 1192 г.х.» (ИВР РАН, арабская рукопись В 2119, л. 17b)

Рис. 7б.

Печать с легендой: «Непоколебимый! Царящий! Вечный! * Раб его Камал ад-Дин ибн Ахмад»³³ (ИВР РАН, арабская рукопись В 703, л. 1а)

Рис. 7с.

Печать с легендой: «Нет бога, кроме Аллаха, Вседержителя, Ясной Истины!»³⁴
* Раб его Аббас-кули» (ИВР РАН, арабская рукопись В 999, л. 1а)

³² المتوكل على الله الملك الصمد * محمد محسن ملا ابن نياز محمد * 1192

³³ الواثق الملك الصمد * عبده كمال الدين بن احمد

³⁴ لا اله الا الله الملك الحق المبين * عبده عباسقلي

Рис. 7d

Что же касается второй, главной для искомого имени строчки, то я предлагаю во второй раз изменить *ее чтение*. В первый раз «вольность» ее прочтения³⁵ выявила скрытый под арабской *неогласованной* вязью комплимент Фátиме (см. об этом выше). Теперь переогласовкой всего лишь одного слова в этой же фразе — *من علمه* (мин ‘илмихи) на *من علمه* (мин ‘аламихи) — мы получаем вариант этой фразы, говорящий именно об имени человека, который пользуется в нашем артефакте личным местоимением «я»: «...а они [никто] не постигают ничего из **его имени**, кроме владелицы сего Фátимы-Султан...».

Если талисман задумывался как сюрприз для Фátимы, то понятна ли ей была эта игра слов? Подсказкой ей мог быть, конечно, широкий контекст ее взаимоотношений с нашим анонимом. Но подсказкой могла быть и рифмованная речевка с именем Али (текст № 5), если это же имя носил и наш аноним. Эта версия ничем не доказывается, но по крайней мере она поддерживается взаимной соотнесенностью (случайной ли?) текстов в круге и текстов в квадрате на этой стороне артефакта. Троекратное «О, Али!», которым *заканчивается* речевка (*второй* текст в круге!), нависает прямо над горизонталями квадрата, где называются некоторые вышеупомянутые атрибуты анонима (рис. 2 и 3), и покрывает своей «сенью» три четверти длины строк в квадрате. В этом заключается их формальная связь. На последнюю четверть строк приходится всего одно слово «Аллах!» (начало текста № 4, которым для смотрящего *концептуально* открывается обратная сторона талисмана). Здесь — связь сущностная. Надо понимать это так: текст № 4 — это формулярная корректность, что-то вроде второй *басмалы начинания*, повторять *басмалу* нельзя, но имитировать подобающую ей (*басмале*) функцию начинания — красивый ход. Но этим ходом автоматически поднимается и статус троекратного «О, Али!». Мужское имя Али сопоставляется таким ходом с якобы-*басмалой*, что привлекает к нему дополнительное, повышенное внимание.

В результате такой распланировки на обратной стороне талисмана возникает цельный осмысленный текст. Он включает: якобы-*басмалу* как показатель начала этого нового текста; совет хозяйке талисмана обращаться в трудные минуты к Али, двоюродному брату пророка Мухаммада (а может быть, и к прямо не названному

³⁵ Она заключалась в прочтении текста № 7 как продолжения текста № 2/3, при этом переогласовывались только падежные окончания — с именительного падежа на винительный.

дарителю талисмана, окажись он тезкой этого халифа); имя дарителя, прикрытое до времени кивком на Фátиму и на мотто его печати, а также и имитацию типа его печати самой трехстрочной структурой квадрата; адресат подносимого талисмана (имя героини события). Это целое лирическое отступление, отличающее данный артефакт от нормативного представления об аятах-оберегах. Аноним посвятил его собственной персоне и некой Фátиме, *прервав для этого уже начатый им было на аверсе «колофон»-концовку к талисману*³⁶ в стандартном его понимании. Когда это отступление исчерпано, он возвращается на лицевую сторону талисмана, чтобы эффектно, в центральном круге, закончить колофон (и с ним — все, что было написано до того) одной, как у Мастера в романе М. Булгакова, фразой «и на Него *мы* полагаемся»³⁷, вложив в это «мы» все то, что сказано и подразумевалось в лирическом отступлении. Глагол своим множественным числом уже включает в колофон и Фátиму. Этот нюанс бесспорен, так как он предусмотрен общим дизайном артефакта. Клеточная дислокация текстов подчеркивает этот нюанс тем, что имя Фátимы стоит в *четвертой* ячейке оборотной стороны талисмана, а «*мы* полагаемся» — в *четвертой* же («прошальной») ячейке лицевой стороны талисмана. Такое соположение текстов на разных сторонах талисмана мы уже наблюдали, разбираясь с появлением в одном из текстов личного местоимения «я».

* * *

Филологический «пэчворк» — так за неимением другого термина можно сейчас назвать комбинацию из расхожих текстов, культурологических стереотипов и популярных в искусстве геометрических шаблонов, которая представлена на серебряном талисмане из Эрмитажа. На макроуровне художественная совместимость этих трех банальностей в исследуемом артефакте столь высока, что побуждает проверить ее безупречность также и на микроуровнях, т.е. в отдельных деталях.

Разработать такой сложный сюжет, как на талисмане, рядовому мастеру серебряных дел было бы не под силу. Его разработчиком мог быть только высококультурный и образованный человек, свободно ориентирующийся во всевозможных реалиях своего времени. Был ли таким сам заказчик подарочного талисмана или у него был под рукой соответствующего уровня Мастер, нам не известно. Но заказчиком в любом случае был богатый и влиятельный человек с хорошим вкусом. Он скрыл свое имя, но оставил некоторую возможность — в том числе и для современных исследователей — раскрыть свое инкогнито. Для того чтобы реализовать эту возможность, нужно время и новые формы и приемы исторического источниковедения, в том числе и невербального источниковедения, которым в востоковедении не пренебрегают только, как кажется, искусствоведы. В данном случае нужно время, чтобы покопаться в коллекциях мусульманских печатей, обращая внимание среди них на такие, что содержат искомое мотто «Все — во власти Божией». И то же самое поискать также в *оттисках* владельческих печатей на арабских, персидских и турецких рукописях, опираясь на нашу версию о переносе этого девиза на исследуемый талисман именно с личной печати.

Велика вероятность, что искомого человека звали именно Али. Содержательная мотивированность всех семи текстов, держащаяся на их композиции и на искусстве намёка, подсказывает это частное решение. *Так*, а не по-другому звать неизвестного автора талисмана было бы лучше для сюжета, воплощенного в артефакте. Инкогнито,

³⁶ То есть к «Стиху о троне».

³⁷ По-арабски эта фраза укладывается в два слова: «ва-бихи наста'ин».

одна из важных находок разработчика сюжета, этим не раскрывалось бы, так как в речевке с именем Али последний был заведомо всем известен прежде всего как историческое лицо из далекого прошлого³⁸. А случайное (ой ли?) совпадение имен не портит, а красит сюжет. Оно даже вдвойне украшает сюжет из-за имени хозяйки талисмана, Фátимы, — ведь у Али из речевки женой была Фátима (дочь Пророка). Эта супружеская пара тоже очень популярна у мусульман, так как только от нее происходят все — и отошедшие в мир иной, и еще живущие — потомки Пророка. Параллель с этой парой, будь на то реальное основание, уж точно обогатила бы сюжет.

Эти параллели — необязательные, но возможные — ведут исследователя еще глубже в сюжетные особенности талисмана. Так, обе стороны талисмана открываются текстами разными, но в определенном отношении однопорядковыми: они связаны с двумя главными героями ислама (Мухаммадом³⁹ и Али). Каждый из них открывает собой самостоятельную «страницу» талисмана, как бы олицетворяя этим параллелизмом две ветви ислама (суннитскую и шиитскую), и каждая из этих страниц претендует на роль оберега! Все это очень важно для раскрытия инкогнито заказчика или автора талисмана.

Место изготовления талисмана было определено как шиитский Иран еще в первой публикации исследуемого артефакта (Иванов, 1989, с. 73–74). Эта историко-искусствоведческая локализация подтверждается теперь, как было обещано в начале настоящей статьи, и метрологически: диаметр талисмана (88 мм) кругло укладывается в старинную иранскую меру длины, составляя 16 ша'ират (1/9 часть)⁴⁰ исфаханского локтя в 798 мм (Хинц, 1970, с. 64 под словом «зар'»). Происхождение талисмана, несомненно иранское, заставляет обратить внимание на такую тонкость в отмеченном выше параллелизме сторон артефакта, как старшинство «суннитской» параллели над параллелью «шиитской». До сих пор можно было думать об идеологической паритетности сторон (лицевой и оборотной). Инвентаризация серии признаков позволила заметить суннитский уклон в персидско-шиитском артефакте. Он проявил себя не только в сдвиге на оборотную сторону артефакта речевки с обращением к Али-чудотворцу⁴¹, очень популярной среди шиитов. Обе части «колофона»⁴² разработчик дизайна поместил на лицевую, «суннитскую» сторону талисмана. Напротив, именем

³⁸ Этот Али погиб во время междоусобий в Халифате в январе 661 г. (Большаков, 1998, с. 88).

³⁹ Его имени, кстати, нет на талисмани, но оно присутствует незримо в стихе из Корана. Имени заказчика на талисмани тоже нет, но оно незримо присутствует здесь: то ли в намеке на знаменитое тезоименитство с Али, то ли через мотто на печати (может быть, редко встречающееся), то ли через догадливость одной только владелицы талисмана.

⁴⁰ 16 ша'ират = 88,67 мм; разница с опубликованным промером (менее миллиметра) считается несущественной.

⁴¹ О степени распространенности этого текста говорит немалое число артефактов, на которых он встречается: на каламданах или пеналах (Земное искусство, с. 126–127 № 33), на кашкúлях, т.е. чашах дервишей (Земное искусство, с. 160, № 76 и 77), и др. На минарете соборной мечети Хайдарханы в Багдаде тоже был раньше этот текст — с чуть измененной концовкой: «...благодаря твоему пророчеству, о Мухаммад, и твоему правлению, о Али, о Али, о Али, о Али!» (al-Naqshbandi., 1973, p. 251); на рис. 8 воспроизводится чертежная реплика этой надписи квадратным — как и на мечети куфическим письмом, заимствованная из упомянутой статьи ал-Накшбанди. Это к вопросу об умении мусульман «читать» замысловато выполненные, но популярные в народе тексты; об этом говорилось в начале нашей статьи. Вероятно, неслучайно к этой речевке привлекалось в свое время внимание и в справочнике по исламской нумизматике (Codrington, 1904, p. 95). Между прочим, на вышеупомянутой мечети в Багдаде выложен, но в другом ее месте и почерком *сульс* также и коранический «стих о троне» (al-Naqshbandi, 1973, p. 247), так что оба текста вполне сочетаемы друг с другом.

⁴² Он-то и содержит в себе личное местоимение 1-го лица («в него я верую»), чем выдается существование конкретного лица, заказавшего изготовление талисмана для будущей его владелицы. Иными словами, колофон содержит в себе указание на уникальность, несерийность, штучность изучаемого изделия.

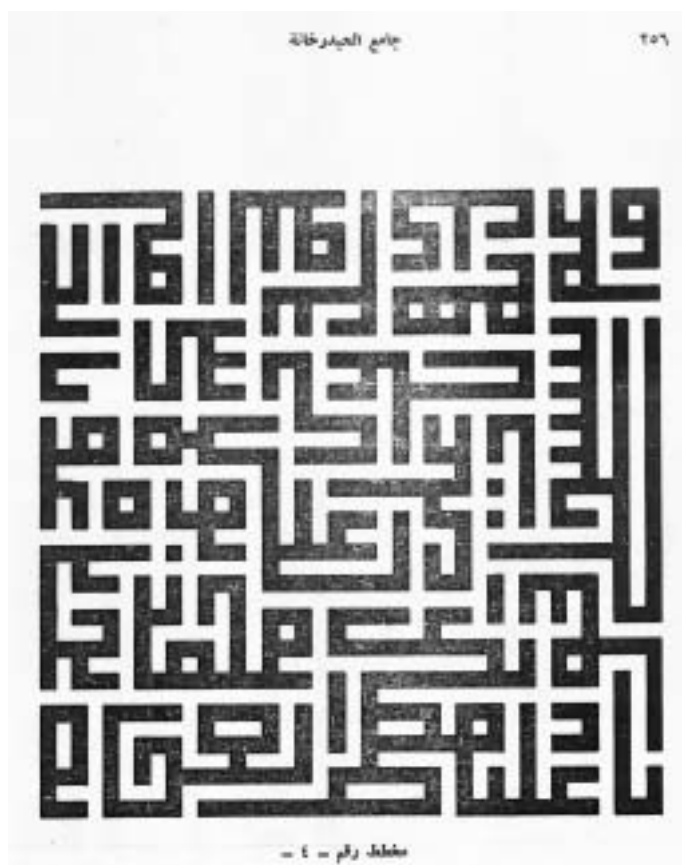

Рис. 8

владелицы этого изделия, Фатимы-Султан, заканчивается («запечатана») «шиитская» сторона талисмана. Сделано это, конечно же, в первую очередь в соответствии со здравым смыслом: именем хозяйки заканчивалась *оборотная, последняя* сторона изделия. Но эта *последняя* сторона все же была при этом «шиитской» стороной. При скачкообразном движении текстов можно было, вероятно, придумать при желании для хозяйки и другое место. Но само имя ее, двойное (по обычаю тюрков и персов), говорит о том, что здравый смысл и религиозные предпочтения могли находиться тут просто в согласии друг с другом.

Что касается главного в артефакте лица — его безымянного инициатора, то по совокупности косвенных признаков его можно, как сейчас представляется, признать не персом, а этническим арабом, жившим в Иране, возможно даже одним из многочисленных потомков Пророка, проживавших в разных местах мусульманского мира, в том числе и в Иране. В генеалогиях этих потомков⁴³ тоже можно поискать нашего Инкогнито, предварительно идентифицировав его с кем-то через легенды на антикварных печатях, имеющих в своем составе мотто «Все — во власти Всевышнего!». Трудно угадать, что дадут предлагаемые поиски, особенно среди печатей, сохранившихся до нашего времени. Но основание для оптимизма уже есть. Это печать иран-

⁴³ Да и в биографических справочниках иного рода.

ского шаха 'Адил-шаха Афшара (1160–1161/1747–1748) — его звали 'Али-Кули-хан (Босворт, 1971, с. 230), а мотто на его печати — الملك لله («Вся власть — у Аллаха») ⁴⁴ — почти идентично искомому, в нем недостает лишь третьего слова (эпитета Аллаха).

Таким образом, в списке претендентов на роль Инкогнито уже появляется первое имя. Вместе с принятием к рассмотрению этого претендента слабеет (но не отменяется) гипотеза об «этническом арабе», так как попытки «положить конец давней шиитско-суннитской розни между Ираном и Турцией» (Босворт, 1971, с. 231) были решительно предприняты еще при предыдущем шахе, и следы заметной толерантности на талисмানে получают в этом достаточное объяснение. Но такое объяснение ведет к передатировке талисмана с XVI в. на XVIII, и в этом последнем и придется, если возникнет такая необходимость, искать также и других претендентов на роль нашего Инкогнито.

* * *

Вопрос о Фátиме-Султан остается открытым. Кем она была для анонимного дарителя? Матерью, сестрой, супругой, невестой или — возможно — даже возлюбленной? Было ли дарение частным поступком или оно «протоколно» сопровождало какую-то другую акцию? Имя шаха Ирана, первым и при этом нечаянно оказавшимся в поле зрения исследователя ⁴⁵, усиливает интерес к этой стороне дела ⁴⁶. Талисман из Эрмитажа — редкий исторический документ, свидетельствующий о столь личных и тонких отношениях мужчины и женщины в старом мусульманском обществе. Возможно, он побудит кого-то не только отыскать в письменных памятниках фигурантов нашего повествования, но и собрать вообще материалы на эту деликатную тему, имеющиеся в письменных источниках.

Список литературы

- Большаков О.Г.* История Арабского халифата. Т. III. Между двух гражданских войн. 656–696. М., 1998.
- Босворт К.Э.* Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с английского и примечания П.А. Грязневича. М.: Наука, 1971.
- Земное искусство — небесная красота. Искусство ислама. Под общей редакцией М.Б. Пиотровского. СПб., 2000.
- Иванов А.А.* Иранский серебряный талисман XVI в. // Сообщения Гос. Эрмитажа. 47. Л., 1982, с. 73–74.
- Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991.
- Катанов Н.Ф.* Несколько слов по поводу русских и татарских перстней, принадлежащих А.А. Сухареву и А.Т. Соловьеву. Казань, 1904.
- Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М., 1963.
- Резван Е.А.* Айна // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991, с. 16.
- Саблуков Г.* Сведения о Коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения. Казань, 1884.

⁴⁴ Полностью легенда на этой печати такова: الملك لله * بنده شاه ولايت علي (Rabino, p. 53–54, т.е. «Вся власть — у Аллаха* Его раб — шах Ирана Али»).

⁴⁵ Сведения о печати этого шаха были обнаружены мной, когда вся статья уже была написана.

⁴⁶ Если эта атрибуция Анонима подтвердится, то от шуточной трактовки «послания» придется, пожалуй, отказаться, потому что Фátиме предлагается в нем (по-видимому, всерьез) сделать выбор между земным покровителем (шахом) и магическим потенциалом коранического стиха. На артефакте как бы два талисмана сразу — один на лицевой стороне пластины, другой — на оборотной.

- Халидов А.Б.* Шахада // Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991, с. 296.
- Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Перевод с немецкого Ю.Э. Брегеля. М., 1970.
- Achmatowa A.* Poem ohne Held. Poeme und Gedichte russisch und deutsch. Lpz., 1982, S. 89 (пер. Райнера Кирша).
- L'Art du livre arabe.* Du manuscrit au livre d'artiste. Sous la direction de Marie-Geneviève Guesdon et d'Annie Vernay-Nouri. P., Bibliothèque nationale de France, 2001.
- Al-Bakri, Mahab D.* Jala'irid Coins in the Iraq Museum. — Sumer. A Journal of Archaeology and History in Arab World, vol. XXIX, 1973, Nos. 1&2, p. 229–244, 4 pl.
- Codrington O.* A Manual of Musulman Numismatics. L., 1904 (Asiatic Society Monographs, vol. 7).
- al-Naqshbandi U., Al-Haider Khana Mosque.* Location and Architecture // Summer. A Journal of Archaeology & History in Arab World. Vol. XXIX, nos. I&II. Baghdad, 1973, p. 245–256, ill. (на араб. яз.).
- Hughes Th.P.* A Dictionary of Islam. L., 1896, p. 27 (Ayatu'l-kursi).
- Perho Irm.* Catalogue of Arabic Manuscripts. Codices Arabici Arthur Christenseniani. Copenhagen: Det Kongelige bibliotek, 2003.
- Rabino di Borgomale H.L.* Coins, Medals and Seals of the Shahs of Iran (1500–1941). [Cambridge], 1945, p. 22–24.
- Schoeler G.* Arabische Handschriften, Teil II, Abb. 48. 1985 كنوز الفن الاسلامي. جنيف

Summary

Val.V. Polosin

To the Interpretation of Arabic Texts on a Silver Persian Talisman at the Hermitage

The artifact under discussion is a silver plate with six charitable texts and the name of its owner which are written in an unusual order on both sides of the plate. A complex analysis of the object shows that the talisman attributes are mixed with the secret message of an unknown man to the named woman. The author of the article republishes the Arabic texts, analyses the architectonics of this witty message, proves by means of metrology the Iranian origin of the artifact. He also suggests the method for identifying the author of the message and names 'Adil, the Shah of Iran in 1747–1748, as one of the possible pretenders to the authorship. Being accepted, this supposition would require a revised dating of this artifact — the 18th century instead of the 16th.